

Биробиджан

(Путевые заметки)¹

После четырехчасового пути от Хабаровска, мы прибыли к исходному пункту для ознакомления с Биробиджаном — ст. Тихонькой, расположенной в 70 км. на запад от Хабаровска.

Только что прошедшие обильные дожди превратили всю местность в болото, местами трудно проходимое. Здесь перед нами край явственно демонстрировал особенности своего климата и почвы.

Рано утром, когда солнце еще не растопило иней, подернувшего землю, нас доставили к реке Бире. Воды Биры мчались среди низких пустынных берегов. Необходимо было переправиться на другой берег на пароме, работающем здесь весьма оригинальным способом. Для движения парома хитроумно использовали силу быстрого течения реки. Паром прикован длинным стальным канатом к острову, находящемуся посредине реки. С помощью руля, паром, подталкиваемый быстряком, направляется то к одному берегу, то к другому, совершая маятникообразное движение. На противоположном берегу пыхтел и трещал трактор, нарушая вековую тишину здешнего края. Люди суетились около беспечно фыркающего трактора, спешили исправить какую-то поломку и скорее пуститься на нем в обычное путешествие с грузом и людьми по почти непроезжей дороге.

Прошло добрых два часа прежде чем мы тронулись в путь. Паром успел несколько раз маятником качнуться с одного берега на другой и доставить новых пассажиров. Наконец, к трактору прицепили две телеги, на одной — две бочки нефти, на другой поместили мелкий груз и пассажиров. Кряхтя и фыркая, трактор медленно потащил свой кофоткий состав по грязной ухабистой дороге.

Недалеко от Биры обогнули сопку, въехали в лес и потом вся наша дорога долгими километрами, шла среди тайги.

На всем протяжении от Тихонькой до Александровки на расстоянии 52 километров ни одной дороги, ни одной тропы в сторону. За все время пути мы встретили только два трактора с подводами леса.

Наш резвый сорокасильный Клейтрак смело нырял в лужи жидкой грязи, погружая целиком свои гусеницы и без поддержки снова выкарабкивался оттуда. В борьбе с грязевой стихией мы делали едва 3—4 километра в час и к двум часам дня продвинулись только на 22 километра.

Дальше дорога тянулась большей частью в гору. Тайга приблизилась к дороге, напирала на нее, замыкалась вдаль, казалась угрюмой и недовольной на вмешательство в ее дикую тысячелетнюю жизнь.

Чем дальше, тем дорога становилась хуже и хуже. К вечеру проехали всего только 33 километра. Заночевали на лесоразработках в брезентовой палатке вместе с корейскими рабочими. В палатке растопили «буржуйку», достали ведро воды и в нем сварили чай. Всю ночь поддерживала огонь в печке еврейская девушка, подсевшая к нам на 22-м километре. Шорохи и шумы тайги мешали уснуть. К тому же дождь начал барабанил по крыше палатки и чувствовалась сырость и прохлада. Потом, когда дождь уже перестал, — снова шорохи сверху и боков палатки, — теперь маленькие зверьки, должно быть бурундуки или крысы осаждали палатку снаружи, проныкали внутрь и шныряли под нарами.

Все проснулись от холода очень рано: печка потухла, ветер врывался внутрь палатки, принося воздух, насыщенный испарениями тайги.

Еще не светало, хотя бледно-желтая полоса на востоке предвещала близкое утро. Лагерь пробуждался. Шофер отправился за ворота за водой для трактора. В тайге было тихо и мертво. На востоке разрасталась светлая полоса. Туманные неясные очертания соседних сопки и леса постепенно вырисовывались, краски становились определеннее.

¹ Автор во время своего пребывания на Дальнем Востоке по поручению Сахаротреста и ЦП «ЗЕТ» ознакомился с Биробиджаном.

и ярче. Наконец туман рассеялся и мощная тайга вновь окружила нас своим угрюмым безмолвием.

Трактор напоен и готов двинуться в путь. Снова ныряние по бесконечным рытвинам и топкой грязи, снова захватывание глинистой почвой колес наших телег, снова напряженность и боязнь: а вдруг глина так цепко захватит разбухшие и превратившиеся в 5—6-пудовые клубки колеса, что трактор не в состоянии будет выволить наши сухопутные челны. Но сорокасильная лошадь не подводит: уверенно преодолевает она дорожные невзгоды и, взрывая дорогу, медленно ползет вперед.

Наконец тайга за нами. Дорога начала спускаться с сопки вниз. Перед нами на безграничном пространстве расстилается болотистая степь, лишь вдаль окаймленная сопками. Далеко на юге маячит сопка «Бомба». Возле нее — деревня Александровка, куда лежит наш путь.

Однообразная, прямая, точно проведенная по линейке дорога, ограниченная с обеих сторон канавами, полными водой, показалась особенно утомительной и скучной. Ближе к селению встретились несколько верховых. Дорога неожиданно круто повернула налево и мы въехали в Александровку.

Прямая, широкая насыщенная грязью улица, изредка расставленные избы, без всяких признаков хозяйственных построек. Иногда на месте будущего жилья — одна лишь палатка. Все это не создавало отрадного впечатления о благополучии и обеспеченности переселенцев. Лишь в центре поселка радовало взгляд новое, еще не успевшее потемнеть от дождей, большое школьное здание и недалеко от него несколько таких же новых общественных построек. В Александровске всего около 35 дворов преимущественно евреев-новоселов и только незначительное число их — дворы прежних поселенцев.

День нашего приезда совпал с днем урожая. В центре поселка, возле столовой и школы толпился народ. При содействии секретаря сельсовета мы наняли лошадей для поездки в Бирефельд. Пока запрягали подводу, мы успели позавтракать в общественной столовой,

потолковать с местными жителями и получить приглашение на антирелигиозный вечер «Суд над урожаем».

Большинство поселян — молодые люди. Все живо интересуется тем, что делается там, за пределами их глухого угла. В рассказах об их житье сквозит уверенность, что все трудности, с которыми им приходится бороться, будут пережиты. Их нисколько не смущает стоящая впереди грандиозная работа — создание в тайге своей новой жизни, резко отличной от их прежних условий существования.

Лошади поданы. Пара хорошо упитанных небольших сибирских лошадок, несмотря на грязь, резвой рысцей доставила нас за 1½ часа в Бирефельд, находящийся в 12 кил. от Александровки.

Вблизи Бирефельда начало доноситься до нас гуденье моторов. Встречались мощные тракторы «Клейтраки», пробирались они, таща за собой поезда лесных материалов.

Усадьба Бирефельд — обширный двор, ограниченный жилыми и хозяйственными постройками. На дворе много сельхоз. машин и орудий, тракторов, автомобилей. Все указывает на то, что здесь сосредоточен энергетический центр этого участка Биробиджана.

Идем осматривать опытное поле.

Далее осматриваем организуемую агро-химическую лабораторию, под которую переделывают бывший свинарник. Заведующий опытным полем с большим удовлетворением сообщает, что все необходимое оборудование для лаборатории имеется и после окончания ремонта можно будет сразу приступить к работе.

А работы здесь — непочатый край: что ни вопрос, то все новые не изученные проблемы, которые можно будет изучать здесь, на месте.

Тов. Ю. посвящает нас в свои удаchi и неудачи в работе истекшего года. В этом году ему в первый раз пришлось работать в данных условиях, пришлось преодолевать много трудностей в организации работы на опытном поле.

По его сообщению в Бирефельде предполагается организовать 4 отдела: 1) полеводства, 2) садово-огородный, 3) поч-

венный и агрохимический, 4) мелиоративный. Задачи, стоящие перед каждым отделом, — чрезвычайно обширны. Отдел полеводства намерен уделять большое внимание так называемым «китайским культурам», а в особенности соевым бобам, которые в этом районе без условно получать большое распространение. Чрезвычайно важен также вопрос культуры озимых, которые в этих местах подвергаются большому риску вымерзания, для чего на опытном поле проводятся опыты с ними в условиях занятого кукурузного пара.

Посев сахарной свеклы, который нас особенно интересовал, на опытном поле был неудачен, но на крестьянских участках получились вполне удовлетворительные результаты, указывающие на возможность заниматься культурой сахарной свеклы в этом районе.

Работа других отделов еще не получила своего оформления.

Уже стемнело, когда мы под'езжали обратно к Александровке.

Большая зала школы уже полна оживленной толпой. Собралось чуть ли не все население Александровки. Помещение еще не оборудовано и скамейки заменены рядом досок на чурбанах, а висят керосиновые лампы дают скудное освещение. Но это не мешает общему оживлению.

После избрания президиума, торжество начинается шумовым оркестром: десяток гребешков с папиросной бумагой, деревянный ящик вместо барабана и пара железных кругов-тарелок под руководством дирижера исполняют «Интернационал», подхватываемый всей аудиторией. После идут украинские и еврейские песни, за ними — декламация стихотворений на украинском языке школьниками. Еще несколько номеров шумового оркестра, после антирелигиозный доклад, а затем «суд над урожаем». Переселенцев судили за то, что полученный ими урожай был низок, часть урожая пропала от погавы ско-

том и вообще были дефекты в проведении сельскохозяйственной кампании. Несмотря на то, что это была только инсценировка, суд проходил весьма обстоятельно, с выяснением всех деталей, обстоятельств, предъявленных обвинений. Подсудимые были признаны виновными, но заслуживающими снисхождения, вследствие незнакомства с хозяйственной обстановкой и местными условиями.

Наибольшее оживление внесла живая газета, которая была посвящена самокритике. Тут досталось и местным деятелям и Комзету.

Погода прояснилась, дорога подсохла, и мы на следующее утро имели возможность отправиться в обратный путь на лошадях.

Та же самая однообразная дорога, медленная езда шагом доставила свободное время, чтобы подытожить все виденное.

Невольно напрашивалось заключение, что хотя Озет, положивший в основу своей работы методы старой переселенческой организации, внес в нее улучшения — производство пахоты трактором, организацию кредитов на постройку домов, изготовление и снабжение материалами, общественную закупку скота и живого инвентаря в Сибири, по более дешевым ценам, но все же преодолеть сопротивление девственной природы единоличным хозяйствам будет чрезвычайно трудно.

При проведении переселения на Дальнем Востоке вообще и в Биро-Биджане, в частности, ощущается насущнейшая потребность в организации обобществленного хозяйства.

Только организовав переселение при ясном и четком построении коллективного хозяйства, на основе максимальной его механизации, которая в известной мере осуществлена Озетом, будет возможно преодолеть девственно-мощную природу этого богатого, но мало пока использованного края.

В. Дебогори-Макриевич